

ПОИСКИ, НАХОДКИ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ С ВЕЛИКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Автору предлагаемой публикации удалось обнаружить в архивах некоторые материалы, позволяющие полнее характеризовать людей, которые вопреки воле царских властей отдали дань глубокого уважения Л. Н. Толстому, когда он, влекомый внутренними противоречиями, оказался на станции Астапово.

...Начальник станции Иван Иванович Озолин провел Льва Николаевича в свой дом. Больного уложили в постель, на столике рядом положили записную книжку, ручку, часы, фонарик. Лев Николаевич записал в дневнике: «31 окт. (3 ноя.). Ехали хорошо, но в пятом часу стало знобить, потом сорок градусов температуры. Остановились в Астапове. Любезный начальник станции дал прекрасные две комнаты».

Это была последняя запись, сделанная рукой Толстого. Быть может, одной этой записи было бы достаточно, чтобы Озолин остался в благодарной памяти потомков. Он приютил великого писателя, отлученного от церкви, вступающего в единоборство с царями.

Смелость Озолина вызвала негодование тульского губернатора. Он немедленно телеграфировал в жандармское управление дороги: «Кем разрешено Льву Толстому пребывание в Астапове, в станционном помещении? Считаю необходимым принять меры для отправления в лечебное учреждение или постоянное место жительства».

Озолин знал, что преследо-

вать его будут. Однако за него заступился прибывший в Астапово управляющий Рязано-Уральской дорогой Д. А. Матренинский.

Начальник станции все свое время между исполнением служебных обязанностей отдавал Толстому. Когда больному становилось хуже, Озолин ездил в Москву за кислородом.

Нагрянули в Астапово двадцать пять корреспондентов. Прибыл «кинофотографический фотограф» (кинооператор) Мейер, явились «кинофотографисты» — французы. Весь мир был встревожен болезнью великого писателя. О состоянии его здоровья корреспондентам сообщал через форточку домашний врач Толстого Душан Петрович Маковицкий. Корреспонденты тут же бежали на телеграф информировать свои редакции.

О том, что творилось за стенами станционного домика, Лев Николаевич не знал. Не ведал, что пробираются к нему духовные лица — добиться раскаяния отлученного от церкви Толстого. Даже после кончины писателя синод командировал в Астапово «по личному желанию са-

государя-импера-

тора» архиепископа тульского Парфения, выяснить, не было ли каких-либо обстоятельств или намеков, указывающих на желание графа Толстого раскаяться в своих заблуждениях (документ об этом удалось обнаружить в делах царского департамента полиции).

Никто из родных Льва Николаевича не решился заверить подсылаемых синодом духовных лиц о желании великого писателя «раскаяться». И архиепископ тульский доложил синоду о «невозможности христианского погребения Толстого».

Через год Иван Иванович Озолин опубликует воспоминания. В них он мало говорит о себе, больше — о других железнодорожниках, читавших Толстого. Иван Иванович рассказал, в частности, что после кончины писателя «одним из сослуживцев на стене срисован профиль Толстого по тени от лампы, стоявшей на столе».

Через год написаны эти воспоминания, а до этого — ни строчки. Редакции многих газет предлагали Озолину большие деньги, лишь бы хоть краткую информацию давал о ходе болезни Толстого. Начальник станции всем отказывал: «Лев Николаевич просит о нем никаких сведений не печатать».

Да, так случилось, что последние шесть дней жизни Толстого тесно связались с именем начальника станции Озолина. За самоотверженное служение великому писателю к Озолину со всех концов России летели благодарственные телеграммы.

В телеграмме о кончине Толстого корреспондент «Русского слова» не преминул вспомнить и об Озолине: «В первой комнате рыдает начальник станции...».

Корреспондент «Киевской мысли» писал: «Было странно, что проходят поезда, привозят пассажиров... не верилось, что начальник станции... вместо трогательного служения писателю будет в красной фуражке встречать поезда...».

Но недолго после кончины Толстого встречал поезда начальник станции. Его стали

преследовать. Он заболел и вынужден был уйти с работы. Наверное, жандармская полиция, кроме того, что Озолин дал приют Толстому, припомнила и другое «преступление»: в 1905-м он участвовал в забастовке железнодорожников. Это отмечено в тайном «алфавитном», заведенном департаментом полиции на «неблагонадежных» людей.

Озолин переехал в Саратов, здесь он и умер 15 января 1913 года, через пятнадцать дней после того, как ему исполнилось сорок лет. Осталась вдова с шестью детьми от тринадцати лет до одного года.

Имя Ивана Ивановича Озолина вошло в историю. Но имя управляющего Рязано-Уральской дорогой инженера Дмитрия Александровича Матренинского, его мужество, его забота о великом писателе почти никому не известны. В последние дни жизни Толстого Матренинский делал все, что в его власти было, для создания писателю спокойной обстановки. Распорядился, например, чтобы поезда, проходившие мимо Астапова, замедляли ход и приглушали свистки.

И потом Дмитрий Александрович проявил необыкновенную твердость и решительность. Подготовкой к похоронам руководил он лично. Когда из станционного домика выносили гроб и закрепили «Вечную память», жандармский ротмистр Савицкий взмахнул рукой: «Прекратите!». Но тут же вмешался Матренинский: «Не распорядитесь! В железнодорожной полосе отчуждения я хозяин». И снова полилось прерванное было пение «Вечной памяти».

Так что и инженер Матренинский достоин благодарности потомства. Уже 10 ноября 1910 года на домике начальника станции Астапово была установлена мемориальная доска. Сделать это приказал Д. А. Матренинский.

Бывший домик начальника станции Астапово тоже по предложению Матренинского был вскоре превращен в мемориальный музей. А через несколько лет станция

Астапово получила новое название — «Лев Толстой».

Хотелось об инженере Матренинском узнать побольше. Долго разыскивала я о нем сведения в архивах и библиотеках. И вот, наконец, повезло. Я нашла его автобиографию среди материалов основанного в 1810 году Института инженеров путей сообщения Александра I. Прежде, когда не было в России железных дорог, сюда принимали только дворян, когда же железнодорожный транспорт получил развитие, открыли доступ и людям простым, в том числе Матренинскому. Институт он закончил в 1883 году с чином коллежского секретаря.

Он был тружеником. Где только не строил железные дороги! А потом на этих дорогах работал.

1910 год застал пятидесятилетнего Дмитрия Александровича в должности управляющего Рязано-Уральской дорогой и в чине действительного статского советника (генеральский чин). Но и это не помешало жандармам расценить его поведение на похоронах Толстого как «преступление».

«...Во главе депутатий, возглавивших венки, — сообщили жандармы в Петербург, — находился инженер Матренинский (он возложил большой венок из светлых живых цветов с траурной лентой и скромной надписью: «Льву Николаевичу Толстому — служащие Рязано-Уральской железной дороги». — С. Э.). По распоряжению Матренинского гроб, заказанный в Москве, был доставлен с особо высланным для этой цели паровозом... В числе посторонних, принимавших близкое участие в церемонии, — управляющий дорогой инженер Матренинский, начальник станции Озолин, его помощник Буткевич и начальник депо Устинов. Этот последний принял на себя заботу по украшению вагона, в который поместили гроб...».

В жандармских донесениях Петербургу о «преступлениях» Матренинского ни разу не назван его чин — рука, видно, не поворачивалась написать «действительный статский советник, генерал».

После всего этого имя инженера Дмитрия Александровича Матренинского было вписано в «алфавит неблагонадежных» департамента полиции. Вскоре Дмитрий Александрович был смещен с должности.

Сусанна ЭНГЕЛЬ.